

ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 135-3 // Консультант Плюс / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Гражданское право: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. – Т. 1. // // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

ВИНА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА КАК НЕФОРМАЛИЗОВАННАЯ КАТЕГОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

И.К. Вербицкая

*доцент кафедры гражданского права и процесса
ЧУО «БИП-Институт правоведения»*

Гражданское право эволюционно, его развитие требует новых научных подходов к определению гражданско-правовых институтов для достижения эффективного судопроизводства. Существующие в науке доктринальные понятия меняются, расширяются, поэтому расширяется и предмет их правового регулирования.

Вопрос актуализации определения вины в современной цивилистической науке не был в должной степени осмыслен. В правоприменительной деятельности Республики Беларусь этот разрыв между теорией и практикой продемонстрировал потребность дальнейшего изучения и обоснования спорных вопросов, связанных с характеристикой исследуемого института. Генезис вины имеет актуальное значение для выявления сущности самой гражданско-правовой ответственности и эффективности её применения. Анализ существующих точек зрения показал дуализм подходов к определению сущности и признаков вины как условия гражданско-правовой ответственности.

Наиболее распространенной является точка зрения о вине как о психическом отношении правонарушителя к своему поведению и его результату (психологический подход). Так, О.С. Иоффе утверждает, что «под виной понимают психическое отношение лица к совершаемому им противоправному действию или бездействию, а также к наступающими в связи с этим противоправными последствиями» [1, с. 110]. Следует отметить, что и современная цивилистика нередко поддерживает психологический подход к трактовке вины, считая, что данный признак позволяет её отграничить от других форм субъективного отношения к поведению и его результату [2, с. 140; 3, с.54].

В то же время ряд учёных старались избежать понимания вины через психическое отношение лица к своим действиям. Сторонники поведенческого

подхода при определении вины придерживаются позиции модели ожидаемого поведения в договорном обязательстве. Б.И. Пугинский, будучи сторонником поведенческого взгляда в вопросе определения вины, отмечал, что должник имеет (имел) реальную возможность исполнить обязательство, но не предпринял всех необходимых мер к тому, чтобы не допустить неисполнение [4, с. 217]. Думается, что факт непринятия необходимых мер по исполнению обязательства и фактическое его неисполнение выступают как непосредственный процесс и наступивший результат.

На данный признак акцентировала своё внимание и О.А. Кузнецова, отмечая, что представленные категории диалектически связаны между собой, в силу чего одна из них не может относиться к субъективной стороне правонарушения – вине, а другая – к объективной его стороне – противоправности. В результате вина растворяется в противоправном поведении и не имеет в гражданском праве самостоятельного значения» [5, с. 134]. Среди современных учёных и исследователей, данный подход также нашёл отражение в ряде научных работ [6, с. 103].

Анализ этого субъективного признака, показало его фактическое отождествление с категорией вины. П. 2 ч. 1 ст. 372 ГК Республики Беларусь [7] понятие вины характеризует через принятие мер для надлежащего исполнения обязательства при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства. «Вина в гражданском праве рассматривается не как субъективное, психическое отношение лица к своему поведению, а как непринятие им объективно возможных мер по устранению или недопущению отрицательных результатов своих действий, диктуемых обстоятельствами конкретной ситуаций» [8, с.7].

Сущностное понимание категорий заботливости и осмотрительности напрямую связано с принципом добросовестности и разумности в гражданском праве.

Правовое понимание разумности берёт свои истоки из англо-саксонской системы права, – это обычный гражданин, «человек из автобуса» [9, с. 145]. М.И. Брагинский характеризует его как «среднего человека» [10, с. 101], В.И. Емельянов проводит параллель между менее полезными и более вредными действиями лица, видя в этом определённую эталонность среднего человека [11, с. 116]. По утверждению М.Ф. Лукьяненко «суд выясняет, каким было действие субъекта и каковы его последствия; как поступил бы в данной ситуации средний человек; сравнивает реальные действия с действиями среднего человека. Если суд приходит к выводу, что они менее отвечают интересам контрагента в гражданском правоотношении, чем действия в такой же ситуации «среднего» человека, то логично заключить, что требование разумности соблюдено не было» [9, с. 145]. Подобная оценочная категория действий участника правоотношения и его сравнение с иным средним человеком, вряд ли стоит квалифицировать и трактовать правовой категорией разумности. В контексте правопонимания и возможности дальнейшего

использования данного понятия в правоприменительной деятельности, разумность следует понимать, как логичное, целесообразное действие, предпринятое стороной в рамках конкретного обязательства.

Добросовестность В.И. Емельяновым трактуется в качестве действия стороны, которая «действует без умысла причинить вред другому лицу, а также не допускает легкомыслия (самонадеянности) и небрежности по отношению к возможному причинению вреда» [11, с. 99]. М.Ф. Лукьяненко в такой трактовке видит совпадение добросовестности и невиновности. Сущность проблемы обоснования добросовестности, видится в решении данного вопроса, основываясь исключительно на ожидаемом поведении должника при осуществлении им своих обязательств, при которых, соблюдая права и интересы контрагента, он окажет им содействие, в том числе информационное.

Фактически судья, выявляя виновность лица и определяя фактор его заботливости и осмотрительности, должен ориентироваться на некий поведенческий стандарт аналогичного субъекта предпринимательской деятельности, действия которого при схожей правовой ситуации можно сопоставить с действиями разумного должника. Данный алгоритм, используемый судом при анализе оценочных категорий разумности, добросовестности, заботливости и осмотрительности может стать оптимальным для вынесения решения и как следствие превращает фактическое толкование такой категории в сопоставление с иными аналогичными ситуациями. Результатом такого оценочного характера может стать внедрение в практику судов прецедента, не являющегося источником гражданского права Республики Беларусь. Таким образом, использование неформализованных категорий, носящих исключительно оценочный характер по усмотрению суда, не представляет собой перспективы его применения.

Думается, что законодательное закрепление исследуемых оценочных понятий также не решит проблему обоснования виновности или невиновности участника гражданского правоотношения. Выходом из такой ситуации может стать лишь законодательное закрепление установление факта осуществления заботливости и осмотрительности со стороны должника. В соответствии со ст. 241 ГПК Республики Беларусь суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании в судебном заседании всех входящих в предмет доказывания фактов [12]. Результатом таких действий послужит юридическая оценка этих действий на основании подтверждённых фактических обстоятельств.

Учитывая нормы действующего законодательства, считаем целесообразным понятие должной заботливости и осмотрительности трактовать с точки зрения установления фактических обстоятельств правоотношения между сторонами. Исходя из этого, закономерным следует считать вывод о том, что понятие осмотрительности выступает более приемлемым, прикладным для юридического лица с точки зрения

правоприменения, а элемент заботливости ближе к действию физического лица, вступающего в обязательство.

В связи с изложенным, считаем целесообразным под доказательством должной осмотрительности понимать комплекс мероприятий, направленный на совершение разумных действий для исполнения обязательства. Истец должен предоставить суду доказательства прогнозирования рисков, поиск альтернативных способов, материалов, изучение деловой репутации контрагента. Достоверность подобной информации выступит доказательством установления фактических обстоятельств, подтверждающих принятие мер с должной степенью осмотрительности, которая от него требовалась.

Библиографический список

1. Иоффе, О.С. Обязательственное право / О. С. Иоффе. – М. : Юрид. лит., 1975. – 880 с.
2. Исупова, Е.А. Вина как условие наступления гражданско-правовой ответственности / Исупова Е. А. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2019. – № 1 (январь). – С. 139–143.
3. Шепель, Т.В. Вина в гражданском праве: законодательство и цивилистическая доктрина / Т. В. Шепель // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Право. – 2014. – Т. 10, № 2. – С. 50–55.
4. Пугинский, Б.И. Правовая экономика: проблемы становления / Б. И. Пугинский. – М. : Юрид. лит., 1991. – 238 с.
5. Кузнецова, О.А. Соотношение противоправности, вины и непреодолимой силы на примере ответственности сельхозпроизводителя / О. А. Кузнецова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 2 (20). – С. 127–139.
6. Харатян, Г.Г. Понятие вины в гражданском праве / Г. Г. Харатян // Вестник молодого ученого Кузбасского института : сб. науч. ст. / Кузбас. ин-т Федер. службы исполнения наказаний. – Новокузнецк, 2019. – Вып. 2. – С. 101–103.
7. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
8. Теоретико-прикладные аспекты ответственности участников гражданских правоотношений в контексте реализации приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь и углубления экономической интеграции в рамках ЕАЭС / Ю. А. Амельчяня [и др.] // Вклад молодых ученых в развитие правовой науки Республики Беларусь : сб. материалов VIII Респ. науч. конф., Минск, 24 окт. 2019 г. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: С. М. Сивец [и др.]. – Минск, 2019. – С. 3–16.

9. Лукьяненко, М.Ф. Условия формирования судейского усмотрения при применении гражданско-правовых норм, содержащих оценочные понятия // Российский юридический журнал. - Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2009, № 5 (65). - С. 144–155.

10. Брагинский, М.И. Осуществление и защита гражданских прав / М. И. Брагинский // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1995. – № 7. С. 99–113.

11. Емельянов, В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами / Емельянов В.И. – М.: Лекс-Книга, 2002. – 160 с.

12. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11января. 1999 г., № 238-З : принят Палатой представителей 10декабря. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 18декабря. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2020 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

О СОДЕРЖАНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

В.А. Витушко

*профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
доктор юридических наук, профессор*

Ю.М. Храмцова

*заместитель руководителя энергетической практики
юридической компании «НАФКО»,
кандидат юридических наук*

В юридической литературе и законодательстве содержание права собственности рассматривается как совокупность правомочий владения, пользования и распоряжения (триада). Считается, что правомочия собственника упоминаются еще в римском праве до классического периода. В то время отмечались отдельные полномочия собственника: *utifruihaberepossidere* (пользоваться, потреблять плоды, иметь, владеть). Разработка частного правового понятия собственности (*proprietas*) была завершена только в конце классического периода [1, с. 191-192].

Характеристика права собственности через перечисление правомочий владения, пользования и распоряжения в национальном праве впервые была закреплена в XIX в. (ст. 420 т. X ч. 1 Свода законов Российской Империи) [2, с. 77-114]. Позже эта позиция получила развитие в проекте Гражданского уложения, где каждому из правомочий собственника была посвящена отдельная статья книги третьей проекта (ст. 17-19). Владение, пользование и распоряжение признавались главнейшими правами, которые вытекают из права собственности [3, с. 56-59].